

Рец. на кн.: Jean-François Fayet. Karl Radek (1885-1939). Biographie politique. Bern: Peter Lang, 2004. 813 p // Русский журнал (Интернет-издание). 2005

Олег Кен

Jean-François Fayet. Karl Radek (1885—1939). Biographie politique. Bern: Peter Lang, 2004 (L'Europe et les Europes 19e et 20e siècles. Vol. 4). 813 p.

Биографическое исследование Жана-Франсуа Файе (Женевский Университет) вполне под стать герою, чья деятельность не вписывается в рамки истории одной страны, одного политического движения, одной эпохи. Политическая биография Карла Радека предстает путешествием, точнее странствием. «Я всеми принят, изгнан отовсюду», – мог бы сказать о себе Радек словами Франсуа Вийона (Ильи Эренбурга).

Отправной пункт полувекового пути, окончившегося в камере Нерчинской тюрьмы, – семейное воспитание Карла Собельсона в Тарнове, овеянное просвещенным духом Хаскалы – движения за эмансипацию евреев и их приобщение к универсальным ценностям разума и терпимости. При поощрении матери и дяди мальчик читает и перечитывает «Натана Мудрого», созданного Лессингом под впечатлением образа Мозеса Мендельсона, основателя Хаскалы. Обаяние немецкой культуры обретает соперника в мифологии великих польских романтиков, и юный Собельсон подумывает о принятии католичества. Вскоре тяга к патриотической и демократической литературе открывает путь к поискам синтеза идей национального и социального освобождения. Первым политическим сообществом для Карла Собельсона стал гимназический кружок. Одному из его членов, Мариану Кукелю, предстоит стать генералом Пилсудского и министром обороны в лондонском эмигрантском правительстве (ныне Кукель известен как историк наполеоновских войн). Путь Радека, позаимствовавшего свой главный псевдоним у героя романа Стефана Жеромского, вел к международной социал-демократии. Из провинциальной Галиции 19-летний публицист отправляется в Берн, где предлагает сотрудничество Адольфу Варшавскому (Варскому) – одному из лидеров Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы. Статьи Радека в варшавском «Глосе» привлекают широкое внимание. Роза Люксембург зовет его перебраться в Берлин и вводит в круг германских социал-демократов. В декабре 1905 г. Радек оказывается в Варшаве и вскоре получает первый тюремный срок. Он пишет для «Нойе Цайт», учит русский язык и знакомится с работами Ленина и Плеханова, а выйдя из тюрьмы возглавляет профсоюзную комиссию СДКПиЛ и разъезжает по русской и австрийской Польше.

Удостоенный заключения в знаменитую Цитадель, Радек овладевает английским (который немедленно пробует на томах Смита и Риккардо), его статьи продолжают появляться в «Червонном Штандарте». В конце 1907 г. подданного империи Габсбургов выпроваживают из Царства Польского без права на возвращение. Будучи немногим старше двадцати, «он уже прошел, по примеру самых знаменитых революционеров эпохи, «университеты» изгнания, революции и тюрьмы» (с. 60).

Последующее изложение, в котором Радек предстает сложившимся и все более влиятельным активистом международной левой социал-демократии, вероятно, представят более осязаемый интерес для профессиональных историков. Однако именно первая глава является решающей для понимания Карла Радека. Структура личности взрослого человека меняется очень редко (и в этом отношении Радек примыкает к большинству). Причины, по которым добросовестный биограф обычно спешит покончить с рассказом о молодости героя, очевидны: скудость прямых свидетельств и трудность реконструкции идейного и эмоционального контекста. Сам Радек, кое-что рассказав о своей юности, одновременно закамуфлировал свои культурные, социальные и политические истоки. Ж.-Ф. Файе, напротив, отнесся к этой проблеме вдумчиво и серьезно, обращаясь к истории восточноевропейского еврейства, творчеству Мицкевича, польской социалистической прессе, сопоставляя автобиографические детали с социально-политическим контекстом. Файе сдержан в оценках, позволяя образу Радека постепенно прорастать сквозь ткань повествования, а читателю формулировать свои собственные выводы.

Подлинную революционную страсть Радека породила не ненависть, а просвещенческая вера в достоинство человека. Он насквозь литературен и стремится к жизненной прозе, чтобы вернуть ей значимость, освободить от убогой ограниченности. Радек неугомнен и общителен, раздражая тех, кто, подобно Р. Люксембург отмечает его стремление вмешиваться в дела, «которые его не касаются». Учение Мозеса Мендельсона через пять поколений откликнулось страстным желанием Радека заслужить положение авторитетного идеолога Интернационала, но товарищи «никогда полностью не принимают его как одного из своих, и он всегда остается бунтовщиком, вольным стрелком» (с. 54).

Следующая глава посвящена «Делу Радека». Это «персональное дело» (начавшееся с обвинений в хищении плаща своего соученика, нескольких книг из редакции «Напшод» и тому подобных проступков 1901-1904 гг.) Ж.-Ф. Файе рассматривает в жизненном политическом контексте. Опираясь на поддержку бременских радикалов и регулярно выступая в региональной печати, где ценились его последовательность, эрудиция и острый стиль, Радек стал видным ак-

тивистом левого крыла СДПГ, атаковавшего самодовольный парламентаризм партийного руководства. Одновременно он присоединился к «молодой оппозиции» Правлению СДКПиЛ, выступавшей за широкое сотрудничество революционных сил. Руководители этих партий, которым во время «кровавой недели» января 1919 г. предстояло оказаться по разные стороны баррикад, в 1912 г. стали союзниками в стремлении изгнать Радека на обочину политической жизни (с. 106). Для этого потребовалось не только исключение Радека из СДКПиЛ, но и вмешательство Фрица Эберта в обсуждении его «дела» на Хемницком съезде германской партии. Август Бебель заявил, что «этот человек» не заслуживает, чтобы его имя произносилось вслух (шепотом Бебель признавал заслуги Радека в интеллектуальном развитии СДПГ) (с. 127, 133). Известная доля моральной неразборчивости Радека – впрочем, какая? сам он признавал «некоторые грехи молодости» (с. 111), а автор уклоняется от собственной оценки; может быть, правильнее говорить о провинциальной вульгарности? – лишь заострила конфликты, вскоре приведшие к краху Интернационала и расколу социал-демократии.

Для понимания драмы международного социализма важен и другой аспект этой истории. Установленный решениями партийных трибуналов и высших органов СДКПиЛ и СДПГ, *Lex Radek* вызвал тревогу проницательных современников, которые отметили складывание в мирной социал-демократической среде практики воинствующего неуважения к праву. Франц Меринг задавался вопросом, предоставляет ли партия своим членам необходимые гарантии моральной репутации, какими обладает индивид, даже рабочий, в буржуазном обществе. Реформист Карл Хильдебранд указывал на риск соскальзывания германской социал-демократии «к русской модели» централизованной партии (с. 137). Исследование Ж.-Ф. Файе наводит на мысль о связи между тогдашними разбирательствами «персональных дел» и действиями внесудебных репрессивных органов в Советской России в последующие десятилетия (интересно, что одному из инициаторов «законной» травли Радека доведется стать создателем ВЧК). Проявившиеся в «деле Радека» приоритет целесообразности, пренебрежение естественным правовым чувством (при номинально «судебном» разбирательстве) подсказывают, что происхождение массового террора коренится не только в революционной практике или в особенностях восточных обществ. Оно восходит и к социалистической идеологии как таковой – к противостоянию миру буржуазных норм, к попытке преодолеть их, опираясь на соображения справедливости и общей пользы, в конечном счете – к гуманистическому протесту против отчужденности «бесчеловечного мира». Ирония, впрочем, состояла и в том, что Радека по существу обвинили в пренебрежении к буржуазной конвенциональности (так позднее, член официальной делегации в Брест-Литовске, он без смущения раздавал немецким солдатам революционные брошюры и

брался с ними на глазах офицеров (с. 231)). Было явным «филистерством» квалифицировать как кражу, например, «заимствование» пальто у своего друга Августа Тальгеймера (у будущего вождя КППГ их было несколько) (с. 133). В общем, следуя за изложением Файе талантливый художник мог бы придать всей этой истории вид притчи (и тем самым, заодно, окончательно снять пошловатый налет, окружающий рассказы о молодом Радеке).

Последующие главы книги, описывающие деятельность Радека в годы мировой войны и революций («Превращение парии в заместителя наркома»; «Обманутые надежды на Германию»; «Революционер, интриган, дипломат»), слишком богаты разноплановым социально-политическим содержанием, чтобы поддаваться краткому пересказу и анализу. Повествование Файе безусловно разочарует любителей сенсационных предположений¹, как и историков, повторяющих раздраженное замечание Ленина, что Радек «совершенно не годится в дипломаты»². Главным достижением при описании этого периода деятельности Радека (многие эпизоды сравнительно хорошо изучены немецкими, польскими и российскими авторами), вероятно, следует считать реконструкцию и объяснение его политических взглядов.

Ошеломляющая смена настроений и перегруппировка политических сил, происшедшие в Германии с началом мировой войны, заставили усомниться в том почти мистическом доверии к инстинкту масс, их способности к правильному выбору и воле к самостоятельной борьбе, которое было характерно для последователей Розы Люксембург. Радек начинает «скольжение» от концепции спонтанности к ленинскому волюнтаризму (с. 163). Побуждая Карла Либкнехта голосовать против военных кредитов, он, однако, остается противником раскола СДПГ (даже накануне Циммервальдской конференции в сентябре 1915 г. Ленин был вынужден скрепя сердце поддержать тезисы Радека, в которых призыв к антивоенным революционным действиям не сопровождался естественными для большевиков «организационными выводами»). Основываясь на полемике Радека против Юниуса (Розы Люксембург), Ж.-Ф. Файе вслед за американским историком У. Лернером считает, что в середине 1916 г. он «имплицитно» отказался от «пространства буржуазной демократии» в пользу «авангарда профессиональных революционеров». При близком рассмотрении этот тезис вызывает большие сомнения: критикуя попытку «строить рабочую политику на воспоминаниях», Радек имел в виду столь дорогие большевикам «воспоминания» Юниуса о французских якобинцах (с. 192). В самом ли деле произошел идейный разрыв Радека со своим «старым политическим наставником»? Да, отныне он выступает за создание

---

¹ Ю. Фельштинский. Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург? // Вопросы истории. 1997. № 9-11.

² Записка В.И. Ленина В.М. Молотову для всех членов Политбюро, 20. 02. 1922 // В.И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 176.

самостоятельной революционной партии, но не было ли изменение позиции Радека обусловлено новыми настроениями среди все более многочисленной оппозиции внутри СДПГ? При этом он и в 1917 г. остается «поразительно последовательным» противником разрыва с Циммервальдской левой (и, следовательно, противником создания нового Интернационала) (с. 223). В послеоктябрьский период для Радека основными остаются интересы революции в Германии и Австро-Венгрии. Солидаризация с левыми коммунистами – противниками Брестского мира предстает естественным «продолжением его формирования как европейского социалиста» (с. 239).

Настоящим поворотом – «окончательным разрывом с польским социализмом и знаком новообретенной верности большевизму» – автор считает поддержку Радеком новой программы Ленина (т. е. курса на постепенное социалистическое строительство в России) (с. 239-240). Этот вывод подкрепляется ссылкой на статью Радека, однако никаких подробностей, которые бы позволяли проверить это утверждение, Ж-Ф. Файе не приводит. Статья, посвященная анархистам и опубликованная в апреле 1918 г. (прим. 337), не может служить доказательством, что Радек поддержал разоружение левых эсеров в июле 1918 г. (что само по себе не слишком важно). В общем, непонятно, в чем выразилось это новое сближение с Лениным, особенно если вспомнить трезвые рассуждения Радека на VII съезде РКП(б) – первом съезде русской партии, на котором ему пришлось выступать³.

Скорее наоборот – повороты происходили у Ленина. В феврале-марте, панически восприняв германский ультиматум, он взломал внутривнутрипартийный консенсус относительно русской революции как вспомогательного звена и рычага общемировой трансформации, а затем, весной-летом 1918 г., оформил новое единство большевиков и европейской левой. Это единство основывалось на «Брестской» платформе: сохранение социалистической власти в России является самостоятельной ценностью и *sine qua non* мировой революции. Час выбора еще не настал (для одних это случится в 1921 или 1929 г., для других в 1936, 1939, 1948, 1956 гг.), да и само отчетливое разграничение интересов РСФСР и международного социализма в середине 1918 г. уже утратило прежний и еще не приобрело новый смысл. Речь пока шла о смещении акцентов, не имевшем практического значения для Радека, который работал в Москве, но по-прежнему ощущал более тесную связь с германским рабочим классом, нежели с Россией (с. 255).

Ж.Ф.-Файе предлагает иную интерпретацию: «Осенью 1918 г. Радек выглядит полностью присоединившимся к концепциям Ленина, и завершившим, таким образом, процесс, начатый в Швейцарии. Его поддержка политики Брест-Литовска, его согласие с хозяйственным поворотом

---

³ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1962. С. 57-61.

и его замечания о силе капиталистической организации в Германии в качестве объяснения запоздания европейской революции предстают отрицанием его прежних концепций» (с. 251-252). Не слишком ли много «разрывов» с прошлым, каждый из которых предстает в силу этого несколько двусмысленным?

«Германия разбита. Путь в Россию для Антанты свободен [...] Не забывайте, – говорил Ленин, провожая Радека в Берлин, – что Вам придется работать в тылу врага. Интервенция неизбежна и многое зависит от положения в Германии». Радек парировал «Немецкая революция является слишком серьезным событием, чтобы ее можно было рассматривать как диверсию в тылу врага» (с. 261). Перед немецкими товарищами Радек защищает красный террор, используя ссылку на специфические российские условия (с. 267) – не слишком похвальная аттестация для немца или поляка. «Политическое и социальное устройство разных стран отличается друг от друга. В каждой стране рабочий класс изберет особые пути» (с. 267). Этими банальностями (до которых, впрочем, Москва окончательно дозрела лишь к 1986 г.), Радек пытался предостеречь неопитов коммунизма, составлявших большинство на учредительном съезде КПГ, от имитирования Октябрьского переворота. Тщетно.

Находясь после поражения восстания в Моабите, Радек без промедления осудил попытку Вольфхайма и Лауфенберга (его старых товарищей по антивоенной борьбе) выдвинуть лозунг «народной революционно войны» против Антанты. Новое течение Радек пренебрежительно назвал «национал-большевизмом». Он был готов приветствовать признание представителями военной касты (впрочем, весьма немногочисленными), что против воли рабочего класса возродить Германию невозможно. Однако как направление мысли левых социалистов «национал-большевизм» представлялся Радеку «мелкобуржуазной причудой» (с. 308), попыткой заглушить классовую борьбу, в общем – опасным извращением⁴.

Радек понимал исходные мотивы «национал-большевизма» и разделял опасения, что новые коммунистические партии превратятся в бессильных маргиналов. «...Если мы хотим быть рабочей партией, которая ведет борьбу за власть, мы должны отыскать дорогу, которая ведет к этим массам» (с. 449). Идеологической всеядности он противопоставил идею широких союзов при сохранении автономии их участников. Уже в 1919 г. анализ положения в Центральной Европе привел Радека к идее единого фронта с социал-демократами и сотрудничества с другими политическими и социальными силами (что позднее получило название «линия Шлягеттера»).

---

⁴ Генрих Лауфенберг не дожил до 1933 г., Фриц Вольфхайм умер в концлагере в 1943 г.

Лишь несколькими годами позже, частично и ненадолго, русская партия и Интернационал примут эти установки, в приверженности которым Радек вновь оказался «удивительно постоянным» (с. 313). Приводя это суждение М. Гольдбаха, автор оспаривает его (в 1921 и 1923 г. Радек согласился поддержать политику «наступления») и вместе с тем подкрепляет: в обоих случаях ему приходилось действовать с учетом соотношения сил в большевистской партии и, более того, положения Советской России в Европе. (Кстати, хотя Радек был чуток к этой проблеме, вряд ли без оговорок стоит принять утверждение, что он «был также первым среди большевистских руководителей, кто попытался найти «modus vivendi с капиталистическими государствами»» (с. 313).) В кризисном 1923 г. Радек обнаружил «совершенно исключительное для того времени понимание движущих сил фашизма, его отличия от консервативной политики и актуальности угрозы, которую он представлял для немецкого и международного рабочего движения» (с. 455). Стоит добавить, что рекомендации Радека на полтора десятилетия предвосхитили выводы главных коммунистических теоретиков антифашизма – Троцкого, Тольятти и Димитрова. Более того, общее направление мысли и практических усилий Радека было во многом созвучно идеям Антонио Грамши⁵, хотя, оставаясь на почве немецко-польско-русского марксизма, Радек не сумел выразить свои взгляды в широких понятиях политической теории, обращение к которым придавало наследию Грамши актуальное звучание почти до конца XX века.

«...Широкие массы пролетариата утратили веру в завоевание власти в близком будущем. ...Завоевание власти больше не стоит на повестке дня», – констатировал Радек еще весной 1923 г. (с. 428), невольно повторяя свои сентенции осени 1914-го («Бессмысленно желать прекращения войны какой-то массовой акцией [...] Время революции не пришло» (с. 171)). Поражение германского Октября (на победу он и не рассчитывал) вновь отбросило Радека—Парабеллума—Виатора и проч. на российскую почву, теперь навсегда. Его существованию в СССР посвящены две заключительные главы книги, быть может самые трудные для автора и читателя (не говоря уже о самом герое) – «Радек и оппозиция» (1923-1929), «В безднах сталинизма» (1930-1937).

Отношения Радека к русской партии в революционные годы, пожалуй, можно назвать критичным и снисходительным приспособлением. Большевистская диктатура не вызывала у него энтузиазма, но он был убежден в ее полезности с точки зрения интересов европейского социализма. «Мы рассчитываем на мировую революцию, мы должны выиграть несколько лет. Как

---

⁵ См., в частности, фрагмент 1933-1934 гг. о «перманентной революции» и «гражданской гегемонии» (Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith (eds.) Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. N. Y.: International Publishers, 1971. P. 242-243).

при этом можно отрицать важность террора», – убеждал он Либкнехта и Люксембург в конце 1918 г. (с. 263-264). Тот же подтекст присутствовал в его согласии поддержать знаменитую резолюцию X съезда о единстве партии. Я понимаю, что запрещение фракций вполне может обратиться против нас, говорил Радек, но это менее опасно, чем нынешний разброд в РКП(б). Осенью 1923 г. Радек направил ультиматум советскому Политбюро, требуя прекращения распри в партийных верхах. Почти не касаясь существа проблемы «бюрократического перерождения», он заявлял, что травля меньшинства вредит международным задачам, и если она не прекратится, он призвет руководителей «западных партий» навести порядок в РКП(б) (Файе дает глубокий, почти исчерпывающий анализ этого документа, впервые опубликованного в 1998 г. (с. 490-492)).

На пороге 1924 года Радек, перестал быть членом ЦК русской партии (ранее он был лишен поста секретаря Исполкома Коминтерна) и, «почти вопреки самому себе», оказался в оппозиции (с. 497). Ж.-Ф. Файе подхватывает замечание Троцкого о том, что позиция Радека была всегда колеблющейся, отклоняясь от линии левой оппозиции то влево, то вправо. При этом Файе подчеркивает относительность понятий «левая» и «правая» оппозиция и ставит вопрос о том, применимо ли само это понятие к «инакомыслящим», которые не ставили под сомнение легитимность режима. Экскурс в проблематику внутрипартийной борьбы не дает исчерпывающих ответов, но весьма полезен для исследования внутрипартийной борьбы 20-х гг., которое в значительной мере остается делом будущего. Что же касается Радека, он оказался инакомыслящим и по отношению к левой оппозиции, полагая, что переход к Термидору уже состоялся, но умеренная экономическая политика является «единственно возможной», а курс сталинского руководства в Китае – в целом верным (с. 499, 582, 584-585).

Думается, что тщательно реконструируя позицию Радека по различным аспектам политики ВКП(б) и Коминтерна в Германии и Китае, его взаимоотношения с лидерами «демократических централистов» и сторонниками Троцкого, автор сравнительно мало внимания посвятил логике самого Радека. Еще в Моабите он погрузился в анализ нисходящего развития революций прошлого и, как замечает Ж.-Ф. Файе, даже при оценке событий в Китае оставался в рамках европейской исторической модели. Лишь истинному ленинцу, российскому рабочему революционеру или западному коммунисту, озабоченному перспективами собственной страны и слабо вовлеченному в дела русской партии, к концу 20-х гг. могло казаться, что революцию в России ждет иная участь, чем ее великих предшественниц. Радек не относился к их числу, и, в отличие от другого теоретика «термидора» – страстного и деятельного Христиана Раковского, в избытке обладал способностью к самоиронии. В конце 1927 г. бывший ректор Университета имени Сунь Ятсена с улыбкой встречает изгнание из Кремля, исключение из ВКП(б) и ссылку в Сибирь, но

уже через полгода подписывает письмо стойкому Л. Сосновскому – «Ваш старый друг социал-предатель» (с. 607).

Оправдывая свое «капитулянтство», Радек ссылался на поворот сталинской группы «влево», затем на угрозу контрнаступления «правых» (с. 601, 622). Автор, однако, скептически относится к мнению таких авторитетов как Исаак Дойчер и Пьер Бруэ, полагавших, что Радека примирил со Сталиным отказ от нэпа. Нет, причина капитуляции Радека состояла в оценке советского термидора как свершившегося факта. С ним можно было бороться или вернувшись в партию и поддерживая «центристов» против правых», или создавая «вторую партию». Радек сделал ставку на второй вариант, но скоро убедился, что «фракция большевиков-ленинцев» не сможет стать «партией пролетарских масс». В этих условиях борьба с существующей властью, опасался Радек, может привести лишь к полному ниспровержению коммунистического режима (с. 614-615). Может быть, большое значение имело для Радека и его первое соприкосновение с провинциальной Россией. Из общения с возчиком рыбы и хозяйкой частной столовой он «с грустью» убедился, что «свобода фракций – это двери, через которые врывается третья сила»⁶. – необузданная сила русского простонародья, совершенно чуждая человеку городских улиц Европы (и благодаря еврейско-польскому воспитанию начисто лишенному славянофильских иллюзий).

Радек имел задатки демократического, даже плебейского политика, но в обстановке постреволюционной России он не мог быть и не был демократом. Ритм истории, как он ее наблюдал и понимал, требовал иного, а Радек всегда стремился быть *эффективным*. «В обладании полном ума, в обладании полном таланта» он бросился в «бездны сталинизма».

Одновременно Радек потерял уважение даже тех, кто вместе с ним капитулировал перед правотой ЦК ВКП(б) (и заодно, похоже, уважение автора). Ж.-Ф. Файе сохраняет объективный тон и старается найти смягчающие обстоятельства. Верный правилу поддерживать оказавшихся в беде товарищей, и в 1928 г. бомбардировавший Москву требованиями перевести Троцкого из Алма-Аты в более здоровый климат, в 1933 г. Радек не постеснялся оспорить перед Сталиным правомерность ареста Преображенского (с. 626). Сколь бы неправдоподобны ни были похвалы, который Радек расточал сталинскому гению, «было бы ошибкой думать, что он презирал Сталина». «Несомненно, он был не в восторге ни от его стиля, ни от претензий на способности теоретика, но он признавал за ним определенные качества политика и тактика, чего не доставало оппозиции» (с. 647). Представляясь публике журналистом, экспертом-международником или наставником советских литераторов, Радек по существу превратился в *советника Государя* (по-

---

⁶ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 янв. – 10 февр. 1934 г.: Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 627.

казательна статья Радека, опубликованная в семнадцатую годовщину Октября под заглавием «Разговор Николо Макиавелли с Ж.-Ж. Руссо о демократии и диктатуре» (с. 692)).

Такого рода деятельность обычно оставляет мало следов. Поэтому неудивительно, что по мере приближения к концу изложение несколько разлаживается. «Реконструктивные трудности» заставляют усомниться в общепринятом мнении, будто Радек не умел держать язык за зубами (автор с этим не спорит: с. 687, 698). Почему же, в таком случае, мы так мало знаем о главных пружинах его деятельности в 30-е годы? Отступая от хронологического принципа изложения, Файе разделяет повествование о 1930-1936 гг. по тематическим блокам (пожалуй, лучше всего удался раздел о Радека как эмиссаре Сталина и шефе Бюро международной информации при ЦК ВКП(б) в 1932-1936 гг.). Ж.-Ф. Файе как будто полагает, что перемены в жизни Радека тех лет носили преимущественно внешний характер. Так ли это?

Еще важнее вопрос – удалось ли автору подняться над перечнем радековских ролей (которые он обозначает отнюдь не нейтрально: «агиограф Сталина», «раболепное перо» и проч.), свести воедино различные амплуа, раскрыть побудительные мотивы героя, обнаружить тот политический замысел, который позволял Радеку поступаться своим достоинством? Ж.-Ф. Файе рассматривает только одно объяснение: Радек, как и Бухарин, надеялись на демократическую эволюцию сталинского режима и старались ей содействовать. Файе слишком хорошо знает своего героя, чтобы согласиться с этой версией: на Бухарина это похоже, «но мне кажется невозможным приписывать такие надежды Радеку» (с. 694). Других гипотез у автора нет – и ему остается соскользнуть к «бытовым» пояснениям: напомнить, что участвуя в сталинском маскараде, Радек сохранял свои привилегии (Дом на набережной), указать, что, прежде равнодушный к алкоголю, он стал безудержно пить. Ясно: Радек деградировал. В 1936 г. над ним сгущаются тучи, им овладевает беспокойство, 12 сентября он арестован. Рассказанная Ж.-Ф. Файе история по своей эвристической силе приближается к воскресной проповеди. Конечно, это еще не основание с порога отказать ей в правдивости, однако задуматься стоит.

Перебрав возможные причины ареста Радека, автор философски замечает: «В тридцатые годы все советские граждане были заложниками Сталина, потенциальными жертвами окружавшей их паранойи. Исходя из этой констатации и страшного количественного баланса чисток... вопрос, следовательно, не столько в том, чтобы выяснить, почему Радек был арестован, сколько – почему бы ему не быть арестованным? И в сентябре 1936 г. Сталин очевидно больше не находил ответа на этот вопрос» (с. 701). Исследования «польской», «кулацкой» и других операций НКВД, внутренней борьбы и механизмов репрессий в руководстве ВКП(б) и Коминтерна давно оставили позади подобные недифференцированные представления о «большом терроре». При

этом автор ссылается на очерк Николая Верта в «Черной книге коммунизма». Возможно, Файе руководило желание воздать должное мэтру, но следование пафосу столь *неисторического* труда похоже на измену собственному методу.

Поведение Радека в декабре 1936 г. (когда он начал сотрудничать со следствием) и на январском процессе 1937 г. над «антисоветским троцкистским центром Ж.-Ф. Файе объясняет попыткой выторговать сохранение ему жизни. Отчего же он с такой страстью настаивал на политическом характере суда, отчего вступал в рискованную полемику с государственным обвинением, поставив под сомнение основной способ доказательства вины подсудимых – их признания? Автор предлагает поразмыслить над некоторыми высказываниями Радека, но его вердикт неизменен (с. 705, 719-720).

Социальные науки после Маркса и Фрейда пронизаны недоверием к тому, что люди говорят сами о себе. Гуманитарное познавательное усилие не может, однако, абстрагироваться от равноправного диалога с человеком как он сам себя представляет, априори отказывать ему в доверии. Когда он зачем-то говорит польскому атташе (весной 1936 г.), что на его рабочем столе всегда лежат книги Юлиуша Словацкого и других польских поэтов-романтиков⁷, когда без всякой видимой причины вставляет в свою статью в «Известиях» (летом 1936 г.) признание в неизжитой симпатии к «люксембургизму», или заявляет суду: «не нужно нам этого снисхождения»⁸, то самое естественное – поверить ему. На протяжении почти всего повествования Ж.-Ф. Файе так и поступает, внимательно анализируя высказывания Радека и других героев книги, сопоставляя их с обстоятельствами и логикой политической борьбы. Если Радек оставался самим собой в 20, 30, 40 лет, то почему он непременно должен был предать себя на пороге пятидесятилетия? Памятуя выводы Файе о логике политической эволюции Радека, о постоянстве его центральных идей (как и о способности отступать перед невозможностью их осуществления, о готовности к вынужденным тактическим зигзагам), уместно предположить, что Радек варшавской Цитадели, Моабита и Лубянки – одно лицо.

Изменились обстоятельства. Наступившая «эпоха больше не принадлежала революционерам-интернационалистам», говорит автор, и, к сожалению, добавляет: «одним из которых Радек перестал быть» (с. 721). Слишком простая констатация, ничуть не помогающая ответить на

---

⁷ Notatka attaché wojskowego RP w Moskwie K. Zaborowskiego “Rozmowa z Radkiem dnia 14. 3. 1936”. – Centralne Archiwum Wojskowe, 1775/89/1136, l. 236.

⁸ И далее: «Жизнь в ближайшие годы, пять-десять лет, когда будет решаться судьба мира, имеет смысл в одном случае, когда люди могут принимать участие хотя бы в самой черной работе жизни. То, что было – исключает это. И тогда снисхождение было бы только ненужным мучением» (Последнее слово подсудимого Радека // Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра ...23-30 января 1937 года... М.: Юридическое изд-во, 1937. С. 232).

вопрос: кем же он стал и как это новое качество соотносилось с прежним «революционером-интернационалистом»?

В поисках ответа стоит обратиться к классическому тексту, мимо которого, наверное, не прошел ни один марксист радековского поколения и который было мучительно упоминать – в силу его безысходности. «Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса... Он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем... его принципам, а то, что он *должен* сделать невыполнимо. [...] Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно»⁹.

Надежду на спасение подавали романтики и «люксембургизм». Вера в спонтанное массовое действие как единственный тип подлинной революционной политики (далекая, притом, от французского активизма) подразумевала немалую долю исторического смирения. Нетрудно было заключить, что в отсутствие такого субъекта (конечно, временном), историческая миссия должна выполняться иным, «недемократическим» путем – путем приспособления к наличным условиям и использования рычагов постреволюционной диктатуры. Герою предстоит сражаться за народ, но без него, двигаясь по карьерной лестнице, в терзающем душу одиночестве – как Конраду Валленроду из одноименной поэмы Мицкевича¹⁰. Все же СССР и ВКП(б) – не Орден Крестоносцев, отчего не попробовать?

Такого рода реконструкция мотивов (не касаясь здесь возможной сути радековского политического *проекта*) далека от описания Файе. Тем не менее, она во многом созвучна основной тональности и содержанию книги.

«Радек никогда не имел политических воспреемников, никогда не было «радекистов», (как существовали «троцкисты», «зиновьевцы», «сапроновцы», «бухаринцы»), но ставший знаменитым как «политический писатель» равно как интернационалист и предтеча левого радикализма, *Радек может покоиться с миром*, – завершает свой труд Файе. – Он наконец нашел свое место – между политическим вымыслом и историей – в той Германии, которая никогда не пере-

---

⁹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (1850) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. С. 422-423.

¹⁰ Поэма написана в русской ссылке и опубликована в 1828 г. – ровно за сто лет до ссылки Радека в Сибирь. Позже Мицкевич пренебрежительно называл ее «политическим памфлетом» – этот жанр был для публициста Радека едва не самым любимым.

ставала быть политической страстью его жизни»¹¹ (с. 730). Таков взгляд современного европейца – быть может, излишне успокоенный даже для европейца.

На большей части Старого Света дилеммы демократической политики, практическое осмысление которых стало делом жизни Радека, остаются великим историческим вызовом. Последние слова Радека сохраняют свою все еще нераскрытую силу: «Мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были. Очень плохо, что при нашей грамотности мы это так поздно осознали, но *пусть это наше сознание кому-нибудь послужит*»¹². Скитания Агасфера неокончены.

* * * * *

Остается добавить несколько слов. Книга Ж.-Ф. Файе основана на материалах восемнадцати архивов Германии, Франции, Голландии, России, Швейцарии, почти исчерпывающей библиографии работ Радека, сотнях документальных публикаций и исследований. Изложение хорошо структурировано, внутренне соразмерно и снабжено необходимым аппаратом. Книга интересна даже в тех местах, где приходится говорить о тривиальных, хорошо известных явлениях. Ее значительный объем почти неизбежен, детали повествования отобраны жестко и с тактом. Замеченные при рецензировании фактические ошибки и неточности имеют мало отношения к сути повествования и легко устранимы.

Монография Файе – лучшее, что было написано о Карле Радека¹³, важный вклад в историю международного социализма. Одновременно это сочинение – почти образцовое и по настоящему современное воплощение жанра научной биографии. Издание книги Жана-Франсуа Файе на русском языке было бы встречено многими читателями с интересом и признательностью.

---

¹¹ В особенности автор имеет в виду роман С. Гейма, вызвавший большой интерес и споры (Stefan Heym. Radek. Roman. Muenchen: C. Bertelsman, 1995).

¹² Последнее слово подсудимого Радека. С. 232.

¹³ Автор этих заметок не смог разыскать книгу В.А. Артемова «Карл Радек: Идея и судьба» (Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2000. 175 с.; рец. Л.И. Гинцберга – Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 243-245). Эта работа осталась неизвестной и Ж.-Ф. Файе.